

**«Круглый стол Экспертиза»
«Демографические проблемы в контексте модернизации
российского общества»**

Игорь Кузнецов
Институт социологии

Выступление

Я, как человек, занимающийся социально-культурными последствиями миграционных процессов, предлагаю рассмотреть некоторые связи современных демографических процессов в России с миграционной политикой и ее последствиями. Так, существует довольно расхожая идеологема: «Поскольку в России постоянно идет убыль трудоспособного населения, то Россия обречена на прием мигрантов». Так ли это, действительно ли обречена или это лишь **один** из возможных сценариев приспособления России к демографическому кризису?

Надо учесть, что стратегия завоза мигрантов для восполнения пустующих рабочих мест – это стратегия Европы конца прошлого века с новейшими на тот момент технологиями производства, достаточно трудозатратными по сравнению нынешними и тем более будущими технологиями. Применение этой стратегии дало хороший экономический эффект. Но уже в нашем столетии стали очевидны социально-культурные последствия этой стратегии – крупные, плохо контролируемые, но быстро растущие этно-конфессиональные анклавы, активное проникновение на европейскую почву самых радикальных течений ислама, заметное поправение социально-политических установок местного населения, увеличивающаяся нагрузка на социальные статьи бюджета. Иногда эти последствия по своему воздействию на общество оказываются более долгосрочными, чем полученный экономический эффект. Тем более, если в ближайшем будущем хоть в какой-то мере оправдаются прогнозы технологического развития, изложенные в последнем (2013 г.) докладе компании «МакКинзи». В частности, прогнозы относительно ожидаемого

резкого снижения потребности в низко- и среднеквалифицированном физическом труде, что означает безработицу для многочисленной армии бывших мигрантов и их детей, ставших уже гражданами этих стран. Социальные последствия этого понятны.

В России эта стратегия применяется, во-первых, в технологическом контексте не столько новых (даже стандартам конца прошлого века), сколько совсем устаревших технологий, на производствах физически изношенных, эксплуатация которых экономически оправдана только при очень дешевых ценах на рынке труда. Тем самым мы, помимо уже имеющейся «нефтяной иглы» подсаживаемся еще и на иглу дешевой, фактической рабской, рабочей силы.

Год назад я провел исследование мотивов использования мигрантской рабочей силы. Это был опрос 300 работодателей, отобранных случайным образом из московской базы данных работодателей, подавших заявки на квоты мигрантов. Согласно данным этого исследования основные преимущества мигрантов – непритязательность к уровню зарплаты, соблюдению норм КЗоТ, норм техники безопасности, качеству рабочего места, режиму работы, при отсутствии необходимости заботиться о правовом, медицинском обеспечении жизни мигрантов, качестве их жилья, оплате обучения их детей, и профессионального обучения их самих. В то же время по критериям качества работы, обучаемости новым технологиям и работе на новом оборудовании лидируют местные работники. Образно говоря, мигранты в основном привлекают работодателей своей бесправностью и безответностью, хотя как свидетельствуют недавние забастовки рабочих-коммунальщиков, например, в Петербурге и у этой безответности есть свой предел.

При этом нельзя с уверенностью сказать, что мигранты занявшие пустующие рабочие места сегодня, будут их занимать завтра (при условии что «завтра» эти рабочие места будут еще существовать). Заметен существенный переток мигрантов с «бросовых» рабочих мест в более

комфортные сферы занятости, где места и не совсем чтобы пустуют, но мигранты оказываются и там вне конкуренции по тем же параметрам, о которых я уже сказал ранее. Они оказываются дешевыми, но менее качественными исполнителями. В целом рабочие места, где сейчас востребованы мигранты не столько заполняются ими, сколько превращаются в некий «проходной двор». Разумеется, я говорю о временных трудовых мигрантах, не планирующих стать частью населения России и не готовых принять социальные стандарты образа жизни этого населения как приоритетные и для себя. А таких мигрантов все-таки большинство в нынешних миграционных потоках.

Упомянутая ситуация «проходного двора» в экономике ведет скорее не к интеграции мигрантов в культурный контекст России, а к созданию зон мигрантских субкультур, что приводит с неизбежностью к повышению рисков межнациональной напряженности. А это для полиэтничной России проблема несравнимо большая, чем для стран Европы. Да и в целом социально культурные последствия того же типа как мы сейчас наблюдаем в Европе, в России будут более тяжелыми в силу «ксенофобности» населения России (этот популярный политологический конструкт я употребляю не в оценочном плане, а как общий нейтральный термин – за неимением лучшего – для обозначения традиционалистской системы ценностей, обуславливающей право населения данной территории *privacy* на культурную среду в рамках этой территории). В итоге, на мой взгляд, вопрос о том, в самом ли деле миграция восполняет недостаток населения (со всеми его социальными и культурными параметрами) или миграция скорее замещает убывающее население принимающей страны, превращая ее в другую страну – этот вопрос остается открытым. Это же и ответ на один из вопросов повестки дня нашего заседания - о проблемах удержания ныне опустевших территорий России. Гораздо меньше рисков, мне кажется, в том, чтобы они оставались временно пустующими, но своими.

Другой логически возможный сценарий адаптации России к демографическому кризису так же базируется на опыте Европы послевоенных лет. Тогда, несколько упрощая, Европа (особенно Германия), в отличие от СССР, вместо реставрации «народного хозяйства», полностью обновила его, т.е. в полной мере воспользовалась историческим шансом тотальной модернизации. Сейчас такой шанс (имея в виду и демографический кризис и одновременно ветхое, но трудоемкое «народное хозяйство») есть у России сегодня, т.е. шанс практически тотальной модернизации на основе современных трудосберегающих технологий.

Есть два препятствия такой модернизации. Первое – это стихийный, никак не управляемый приток мигрантов в Россию очень неоднозначно связанный с реальными потребностями текущей экономики, но вполне отчетливо связанный с экономической и социально-политической ситуацией в наших странах донорах – это преимущественно бывшие советские среднеазиатские республики. Второе препятствие – это инвестиционный климат. Да он в России непривлекательный, но не вообще, а преимущественно для «длинных» денег, которых требует модернизация. Для коротких денег он, может быть, очень даже хороший. Поскольку у нас доминирует именно экономика коротких денег, под которую подстроена и социально-культурная система ориентаций в экономике (то, что называют ментальностью) и правовая, и налоговая системы. Все это не просто позволяет, но требует только коротких, не капитальных вложений даже в проекты подаваемые как капитальные, например, строительство олимпийских объектов. Но ведь это все вполне управляемые системы и их переориентация это вопрос политической воли. Так что и вероятность запуска оптимистического модернизационного сценария (реально модернизационного не имеющего ничего общего с переходом на уже вполне устаревшие технологии Европы) это так же вопрос политической воли.